

Против шерсти

Автор:

[Стефан Серван](#)

Против шерсти

Стефан Серван

Young Adult Novel. Дикие тайныМИФ Проза

Никто не знает, как все началось. Девочки-подростки по всему миру теряют человеческий облик и постепенно превращаются в диких кошек. Таинственная мутация рождает панику и отвращение в обществе. Луизе, а вслед за ней и сотням девушек, предстоит решить: маскировать отличия и прятаться, опасаясь отправки в лагерь? Или отстаивать собственную уникальность?

Для кого эта книга

Для любителей фантастики и антиутопий.

Для всех, кто ищет книги с важной социальной проблематикой.

На русском языке публикуется впервые.

Стефан Серван

Против шерсти

Оригинальное название: Felines

Издание осуществлено в рамках программы содействия издательскому делу «Пушкин» при поддержке Французского института в России

Cet ouvrage, publié dans le cadre du Programme d'aide à la publication Pouchkine, a bénéficié du soutien de l'Institut français de Russie

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Felines © Rouergue, France, 2019

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

Предостережение от автора

Текст, который вы собираетесь прочесть, не вымысел. Это расшифровка рассказанного Луизой Р., которой было семнадцать на момент нашей встречи.

Беседа состоялась в месте, которое я не стану раскрывать по вполне понятным соображениям безопасности, и длилась она несколько часов без комментариев с моей стороны.

Все имена и фамилии реальны, а события происходили именно в тех локациях, которые описаны в истории, и достоверность этих событий в большинстве

случаев легко поддается проверке.

Чтобы облегчить чтение, в том числе из-за неточности воспоминаний, я был вынужден отредактировать некоторые диалоги и части повествования, заботясь о том, чтобы как можно более верно описать произошедшее в жизни Луизы Р.

Должен также добавить, что я отнюдь не стремлюсь отразить в этом тексте какую-либо позицию по поводу обстоятельств, которые потрясают нашу страну и весь мир в течение последних месяцев.

Я всего лишь записал рассказ.

И если сегодня я вверяю его вам, то делаю это потому, что в нем содержится повествование о необыкновенных вещах, повествование, которое, я надеюсь, прольет свет на все, что происходит в наше беспокойное время.

Мне хотелось бы поблагодарить моего издателя за смелость.

Один только факт публикации этого произведения является нарушением множества статей закона и подвергает нас – и его, и меня – риску общественного порицания, а также уголовного преследования по нескольким пунктам.

И я, и мой издатель несем полную ответственность за последствия публикации этого произведения.

Наконец, я хотел бы выразить признательность книготорговцам, которые отважатся предложить эту книгу своим читательницам и читателям. Мы рассчитываем на вас, как никогда прежде.

Думать – значит перестать подчиняться.

Читать – значит готовиться к бою.

Эта книга посвящается Камий, моей дочери

Против шерсти

Ну что, вы готовы?

Я вам расскажу, что произошло, хотя знаю, что рассказанное мной вряд ли изменит облик мира, по этому поводу я особо не строю себе иллюзий.

Облик мира не менялся со времен его сотворения, и по сей день он не отличается красотой. Кто-то может даже сказать, что у мира гнусная наружность.

Ну что же, в этом есть доля истины.

Вот только человек мало что смыслит в красоте.

Кстати, не больше, чем в правде.

Я прочла однажды, что правда всегда в руках сильнейших.

Это не так. Правда принадлежит тем, кто может заставить других замолчать.

Именно поэтому я вам и расскажу о том, что произошло, – я верю в силу слова и силу историй. Конечно, это всего лишь моя версия правды о случившемся, но она ничем не хуже остальных версий, по крайней мере я так считаю. Знаю, что многие со мной не согласятся. Особенно те, кто сомневаются в моей способности мыслить и даже отказывают мне в самом праве мыслить. Но факт остается фактом: я мыслю, чувствую, смеюсь и плачу. А еще я умею любить.

Признайте, если я смертна, значит, и любить могу. Сегодня говорить опасно. Если меня найдут, то совершенно точно повесят, вы это знаете.

Вы ждете, что я скажу вам, будто мне на это наплевать? Что мне нечего терять? Что я ко всему готова?

Вот уж нет.

Мне не все равно. Нисколечко. Я хочу жить. Но сегодня я должна говорить, и я готова рискнуть.

Я ничего не прошу взамен.

Если я вам не нравлюсь, это ваше дело. Я такая, какая есть.

Уясните: я такая, какая есть.

Я не прошу пощады. Не молю о жалости. Ни в коем случае. Я просто хочу рассказать о том, что произошло, потому что мы слишком долго молчали. Чересчур долго.

И говорить я буду не для вас.

А ради каждой из нас.

Начну, как только вы будете готовы.

Готовы?

* * *

Когда я была маленькой, мама подарила мне книгу греческих мифов. Я обожала эти истории, хотя и не все понимала. Хоть это и было адаптированное издание для детей, но волшебные и странные легенды все равно оставались пронизанными насилием. Отцы проглатывали своих сыновей, возлюбленные превращались в цветы, а еще я помню, что девушки часто становились жертвами вожделения богов. И чтобы добиться своего, боги были готовы превратиться в быка, в муравья или даже в золотой дождь.

Меня это завораживало. Казалось, что богов можно обнаружить за каждым камнем и за любым, даже самым маленьким облаком. Я повсюду высматривала признаки их присутствия, но они ни разу себя не выдали.

Чуть позже, в старшей школе, я под села на ужастики. С попкорном в руках мы с Сарой вжимались в диван и дрожали перед телевизором. Затем забивались под одеяло в ее комнате и рассказывали друг другу страшилки о привидениях, проклятых куклах и злобных нянях.

Наибольшим успехом у нас пользовалась история о «кабинке покойницы».

Каждая девочка в школе знала эту легенду.

Речь шла о дальней кабинке в самой глубине раздевалки бассейна, куда практически не попадал свет. Все избегали этого места. Стенки кабинки были покрыты сероватой плесенью. Несло оттуда то ли канализацией, то ли гнилью, как будто под плиткой замуровали труп. Рассказывали про дырку в стене, через которую парни могут видеть все, что происходит в кабинке. Что старый Бурден, который кем только ни работал в нашей школе, часто приходит туда подглядывать. И что, если прислушаться, можно услышать его прерывистые вздохи. А вонь на самом деле не что иное, как дыхание Бурдена.

Еще чаще рассказывали, что десять лет назад какая-то девушка совершила там самоубийство, отсюда и название кабинки. Она повесилась, потому что ей нравились девочки, а не мальчики и весь лицей узнал ее секрет. Больше всего ей доставалось от одного парня, который без конца ее терроризировал. Издевки, анонимные письма, обидные надписи на стенах – это и довело ее до отчаяния.

И конечно же, у всех были знакомые, у которых была кузина или подруга кузины, которая училась в нашей школе в то время. Все могли припомнить какую-то мелкую подробность о бедной девушке. Как ее звали. Какого цвета были ее волосы. Каким шампунем она пользовалась. Вот только ничего не было известно о ее обидчике. У каждой девушки был свой кандидат. Прежде всех, конечно, обвиняли старого Бурдена. Учитель физкультуры, директор, некоторые из старшеклассников и технического персонала и все смуглые ребята из средней школы были в списке подозреваемых. Поговаривали, что призрак покойницы ждал в кабинке живую девушку, чтобы рассказать ей о своих страданиях, о стыде, боли и, конечно, о своей любви. Покойница ждала девушку, которой бы

тоже нравились девушки. Один поцелуй в губы – и ты уже невеста покойницы и обречена на вечную жизнь с призраком проклятой возлюбленной за плесневелой стеной.

Конечно, это были всего лишь глупые мрачные выдумки. Подростковые штучки. Кроме проблем с канализацией, ничего страшного в этой кабинке не случилось, но все девушки держались от нее подальше.

Кроме одной.

Ее звали Алексия, да, именно в раздевалке бассейна это и началось.

Ну, то есть началось все, конечно, намного раньше. Но тогда никто этого не понимал, даже мы сами. Мутация еще не была явной. И нельзя сказать, что произошедшее в тот день раскрыло нам глаза. Ни одна из нас не смогла трезво оценить сцену, разыгравшуюся в кабинках раздевалки, стенки которых обволакивали непристойные надписи и запах хлорки. Как мы тогда к этому отнеслись? В нашей нудной подростковой жизни произошла движуха! Одно из тех редких событий, что нарушают монотонность школьных дней. Появилась возможность выплунуть из себя смешками вязкие будни. Не знаю, сколько вам лет, но вы ведь понимаете, о чем я, правда?

Конечно, это было жестоко.

Я это понимала, хоть и смеялась вместе с остальными.

На самом деле смешно мне не было, и все-таки я смеялась. Чтобы как-то разбить рутину. Но если уж быть честной до конца, то смеялась я, чтобы успокоиться. Потому что мне было страшно. Я была в ужасе.

Я смотрела на Алексию, у ног которой валялось красное полотенце, на остальных ребят, которые хохотали, стоя вокруг нее, на парней, которые хмурились и тыкали в Алексию пальцем, и на странную ухмылку, почти что улыбку, под усами учителя физкультуры. Я смотрела на Алексию, на ее беспомощно опущенные руки, на ее лицо, ее слезы и повторяла про себя: «Луиза, на ее месте могла быть ты, на ее месте могла быть ты». Но я смеялась

вместе с остальными: с Сарой, с Морган, с Фатией. Я смеялась, потому что с облегчением осознавала: в этой ситуации я оказалась на правильной стороне. И я даже не задумывалась, кому дано право решать, какая из сторон правильная, а какая – нет.

Так, прежде чем продолжать историю, я должна рассказать вам о моих одноклассниках.

Нас было двенадцать девчонок. Двенадцать подростков, двенадцать слишком худых, слишком полных, слишком зажатых тел. Двенадцать несовершеннолетних тел, которые мы пытались укротить, словно диких лошадей. Наши лошади были мятежными, дрянными, непокорными. Ну и натерпелись мы в попытках их обуздать. И все равно они жили сами по себе, не подчиняясь нам. Наши тела не давали нам покоя, борьба с ними изматывала. Возможно, поэтому мы так зло поступили с Алексией в тот день. Из-за мести к нашим собственным телам.

Мое тело уж точно мне было врагом. Только в воде я могла выдохнуть. Поэтому я и любила уроки плавания, несмотря на испытания, которые приходилось преодолевать в раздевалке. Как только я заходила в воду, меня охватывало ощущение легкости, будто я сбрасывала с себя тело. Или, скорее, наконец-то достигала с ним согласия. Чувство невесомости, отсутствия гравитации. Чувство свободы. Такая свобода знакома рыбам. Или русалкам.

Но сначала нужно было пройти через раздевалку. Вынести взгляды, подмигивания и насмешки одноклассниц. Переодеваясь, я слышала шутки парней по ту сторону перегородки. В отличие от нас, девчонок, парни уже давно научились глумиться над своими комплексами. Так уж их растили. Они бы предпочли сдохнуть, чем признаться, что они до сих пор мальчишки, которые боятся своего тела, а еще темноты.

На кабинках в женской раздевалке не было дверок. Переодеваться приходилось быстро: скинуть одежду – камуфляж, стянуть за задник туфли, скомкать трусы и носки и засунуть их в спортивную сумку, задержать дыхание, втянуть живот, натянуть слитный купальник, расправить плечи, сделать вид, что все в порядке, вести себя естественно, будто у тебя все под контролем. И при этом избегать взглядов других одиннадцати девушек. Ну и пытка. Но потом нас ждал бассейн. Много-много воды, в которой я могла забыть о теле.

В тот день, как и всегда, физрук хлопнул в ладоши, чтобы мы поскорее выходили из раздевалок. Он вечно психовал из-за того, что мы копаемся.

– Так, девчонки, хватит марафетиться, вы идете плавать, а не на вечеринку, выходим, выходим!

Я ненавидела этого типа, его усы и его тупые старперские шутки.

Мы друг за другом вышли из раздевалки. Чуть в стороне, скрестив на груди руки, стояли парни. Они бросали на нас взгляды и смотрели будто бы мимо, но мы-то знали, что они пытаются понять, что скрывается у нас под купальниками. И только на мне никто не задерживал взгляд.

Учитель пересчитал нас. Одиннадцать человек.

– Кого нет? – спросил он.

Мы смотрели друг на друга, пожимая плечами.

– Вас здесь одиннадцать. Кто двенадцатая?

Никто не ответил. Тогда я сказала:

– Алексия.

Я помнила, что видела, как она пошла в самый конец раздевалки в сторону последней кабинки. К кабинке покойницы.

– Алексия? – спросил учитель, дернув усами. – Алексия как там ее?

Я назвала ее фамилию. Усы учителя снова зашевелились.

Алексия была тихой, даже слишком. Я ее знала с начальной школы. Мы дружили. Затем, когда мы перешли в среднюю школу, Алексия увяла, будто срезанный цветок, который оставили под палящим солнцем, и мы с ней отдалились друг от друга. Мы не поссорились. Просто попали в параллельные классы, и наши пути

разошлись. Ее родителей я видела всего раз, они были людьми жесткими, педантичными и глубоко религиозными. Они жили в старом доме в верхней части города. Ее отец был бригадиром на бумажной фабрике и всегда носил ужасный черный костюм и имел мрачный вид. Ее мама занималась домом, в котором, как мне помнится, все должно было блестеть, словно капот коллекционного автомобиля. Думаю, они делали все, чтобы осадить непокорную лошадь, на которой их дочь неслась во взрослую жизнь. Алексия носила бесформенную старушечью одежду. Прическа, очки, брекеты, безропотность – все это делало ее белой вороной и гнало в глубину школьного двора, где ютились такие же изгои. Она стала прозрачной, невидимой. Она ни с кем не разговаривала. Даже учитель физкультуры не мог вспомнить эту хиленькую девушку с невероятно белой, почти просвечивающей кожей. Мне было жаль Алексию. Как бывает жаль зверька, у которого не хватает одной лапки. На ее месте могла оказаться я. Да запросто.

Я сказала:

– Схожу за ней.

Когда я проходила мимо Сары, та шепнула мне:

– Берегись покойницы, Лу. Она не любит, когда ее тревожат во время свидания с невестой.

Затем последовал непристойный жест языком. Я пожала плечами.

В раздевалке было темно.

Я позвала:

– Алексия?

Никто не ответил.

Я направилась к последней кабинке, к той самой.

Чем ближе я подходила, тем сильнее чувствовала, как вонь плесени перекрывает запах хлорки. Я обхватила себя руками.

– Алексия?

Тут мне показалось, будто я что-то слышу. Чье-то дыхание.

Я подумала о дырке в стене, о старом Бурдене, о мертвой девушке и не смогла сдержать дрожь.

Со стороны бассейна доносились громкие голоса. Парни выкрикивали: «Алексия! Алексия!» – словно она была кинозвездой или самой популярной девушкой в школе.

– Алексия? – позвала я, но из моего горла вырвался только шепот.

Я подошла к кабинке еще ближе, а крики парней со стороны бассейна раздавались все громче и громче.

Алексия была там, в кабинке покойницы. Она съежилась, завернувшись в огромное ярко-красное полотенце, и прислонилась к покрытой черной плесенью стене. Ее волосы спадали на лицо, и она без конца повторяла какие-то слова.

– Алексия? Все в порядке?

Услышав свое имя, она сползла ниже по стене. И подняла на меня глаза. На ее лице застыло скорбное выражение. Выглядела она жалко, и, должна признаться, у меня не было никакого желания подходить к ней.

Я попыталась улыбнуться и махнула ей рукой:

– Пойдем, Алексия, учитель ждет.

Она потрясла головой.

– Я не виновата, – прошептала она. – Я не хотела приходить, они меня заставили.

Я подумала о ее родителях. Они никогда не давали ей спуску. Наверное, она плохо себя чувствует, у нее месячные или что-то в этом роде.

Я протянула ей руку:

– Алексия, все будет хорошо, не переживай. Вот увидишь: войдешь в воду, и станет легче.

Она снова помотала головой:

– Нет, я не хочу. Не хочу.

– Но, Алексия...

У нее на глазах выступили слезы.

– Я не могу!

– Ладно.

Я сделала глубокий вдох и подошла к ней. От запаха в кабинке меня чуть не вывернуло.

– Хорошо. Пойдем скажем учителю, что ты не можешь заниматься.

Она шмыгнула носом.

– Хорошо?

В конце концов она кивнула.

– Пойдем.

Я медленно попятилась, словно старалась не спугнуть настороженного зверя, и Алексия пошла за мной. Я тогда не придавала значения бритве, которая валялась на полу. Небольшой одноразовый станок. Но я так спешила выйти из кабинки,

что это показалось мне неважным.

Парни у бассейна перестали кричать, и я слышала, как физрук читает им нотации.

Не сводя с Алексии взгляда, я направилась в сторону двери. Она, кажется, немного успокоилась, но полотенце с себя не снимала и повторяла шепотом:

– Я не виновата, я не виновата.

Мы вышли из раздевалки. На нас смотрели все: девушки, парни, учитель. Я покраснела и не знала, куда деться. Как будто... не знаю, как будто в том, что я так близко подошла к Алексии, было что-то постыдное.

Я направилась к учителю, чтобы объяснить ему, что Алексия не может плавать, хоть я и не знала почему.

В этот момент у меня за спиной раздался пронзительный крик.

Потом наступила тишина.

Гробовая.

Я обернулась.

Кто-то стянул с Алексии красное полотенце, в которое она куталась. Теперь оно лежало у ее ног, напоминая алую лужу. Алексия стояла в кругу остальных девушек. И все молчали. Все разглядывали ее тело. Тело, покрытое шерстью. Черной гладкой шерстью, которой были усеяны ее торс, плечи и бедра. Это был почти мех. Мех животного. А там, где Алексия провела бритвой, виднелись отвратительные полосы голой кожи. Кожи, которую будто содрали с животного. Это... это была страшная, непостижимая нелепость.

Парни хмурились. Девушки прикрывали рот рукой.

У всех перехватило дыхание.

Молчание было невыносимым. В тишине раздавались только всхлипы бедной Алексии. Они были похожи на плач младенца. Или стоны раненого зверя.

И тут Фатия внезапно взорвалась смехом, показывая пальцем на шерсть, покрывшую тело Алексии. Это был сигнал. Быстро, словно ток по проводам, до нас добежал импульс смеха. Наши тела сотрясала мощная разрядка. Над бассейном раздавались раскаты смеха и девушек и парней. Оглушительный гнусный смех наполнил все здание. А Алексия молчала. Она стояла, не поднимая глаз. И плакала. Алексия плакала. А я смеялась вместе с остальными. Потому что я была рада. Рада, что на ее месте оказалась не я.

* * *

Вот, теперь вы знаете, как все началось.

Понятия не имею, как это было у других.

Но у нас вот так.

Как я вам и сказала, человек мало что смыслит в красоте.

И подростки в этом плане ничуть не лучше взрослых.

* * *

Я не вспоминала об этом до обеда.

Моя голова была занята другими вещами.

У нас отменили уроки, была хорошая погода, и я должна была встретиться с Томом в центре города.

В наших отношениях не было никакой определенности. Все считали иначе, но мне нравилось давать другим повод думать, что мы встречаемся. Если бы одноклассницы узнали правду, они бы, скорее всего, расстроились. Поэтому я

заботилась, чтобы они не знали ничего, что, учитывая размер нашего города, было не так-то просто.

Наш город ничем не отличался от множества других городов. Ни большой, ни маленький. Средненький такой. Провинциальный. Безликий. Несколько тысяч жителей, прямые улицы, река в центре. Три начальных, одна средняя и одна старшая школы, обветшалая больница, развалюха церковь. Несколько магазинчиков, парк, бассейн, стадион, торговый район с двумя супермаркетами, десятки рекламных щитов, захудалый ночной клуб, жилые кварталы с абсолютно одинаковыми домами.

И гвоздь программы – бумажная фабрика на грани закрытия, из-за которой город был постоянно окутан отвратительной желтой дымкой, и все это в окружении голубых гор, черных лесов и десятков километров извилистых дорог, отделяющих нас от самого крупного города страны.

Наш город был похож на котел, в котором бурлят скука и сплетни.

Можно было бы подумать, что все мои сверстники хотели оттуда сбежать, но нет.

Большинство девочек мечтали только о том, чтобы найти мужа, построить семью, завести собаку, купить домик и целыми днями пропадать на кухне. А парни, должно быть, мечтали об охоте с друзьями и игре в футбол с детьми на плешивой траве стадиона.

Они дорожили этим городом. По-настоящему дорожили.

Я тоже его любила. Но иначе. Так, как любишь уродливую куклу, с которой вырос.

Конечно, всем здесь было ужасно скучно. Слишком короткие юбки, слишком крепкое пиво, сигареты, субботние тусовки, воскресная кома, молодежь убивала время, раздувая краснеющие под котлом угли. Нежелательные беременности, депрессии и несчастные случаи на охоте – все это добавляло бульону пикантности. Меня это варево совершенно не интересовало.

К счастью, у меня был Том.

Том учился на автомеханика. У него были светлые волосы, голубые глаза, проколота бровь, носил он только черное, слушал рок девяностых и тщательно скрывал свою страсть к рисованию, поэзии и любовным романам. Будь он красавцем, мог бы стать героем американского фильма для подростков. Но Том ничем не отличался от нас.

В том смысле, что он был нормальным: слишком длинные волосы, грязные ногти, увлечение старыми мопедами и ужастиками, детское личико, притягательная улыбка и двадцать лишних килограммов. Вот так герой.

Том жил с мамой в старом доме на окраине города. Мама работала на бумажной фабрике. Отец от них ушел. Однажды он вышел в супермаркет за пивом, но так и не вернулся. С тех пор жизнь Тома вращалась вокруг машинного масла, старых ужастиков и книжных страниц. Друзей у него не было. Он был одиночкой. Мы с ним были похожи, хоть и не осознавали этого.

Мы познакомились в центре города, на рынке, где можно найти все – от лекарств до книг. Том стоял у прилавка и просил у месье Бланше книгу «Ловец на хлебном поле»[1 - Один из вариантов перевода названия романа Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Здесь и далее примечания переводчика.]. Ему пришлось повторить название несколько раз, потому что старик был глух на одно ухо. Наконец месье Бланше спросил:

- Но в чем твоя проблема, мальчик? Мыши? Крысы? Что ты собрался ловить?

Уголек, старый черный кот, лежавший на прилавке, поднял голову.

Том не растерялся и ответил:

- Любовь.

Я прыснула со смеху.

Том обернулся. Он смотрел на мою длинную черную шерстяную накидку, которую я носила не снимая. Эта накидка прямиком из восьмидесятых: длиной

ниже колена и с огромным капюшоном. Том улыбнулся мне. Я покраснела прежде, чем успела опустить голову. Слишком поздно. Таким было начало.

Начало сама не знаю, чего именно, но мы с Томом несколько раз пересекались на этой барахолке. Там я бы точно не встретила никого из школы. Приходилось выдерживать подозрительные взгляды месье Бланше, который не слишком-то верил, что подростков вроде нас могут интересовать его потрепанные книги. Он считал, что все подростки, которые шатаются вокруг его прилавка, думают только о том, как бы стащить бутылку растворителя, чтобы потом пойти кайфануть за стадионом. Мне кажется, он понемногу выживал из ума. Я бы, может, и ходила в настоящий книжный магазин, но в радиусе нескольких километров их не существовало, и мне нравилась лавочка месье Бланше, которая как будто сохранилась с прошлого века. Я обожала ее пыльную витрину, деревянные стеллажи, отслужившие свое книги, а еще там жил Уголек, черный кот. Он был таким же старым, как и его хозяин; он частенько устраивался на прилавке и с пренебрежением смотрел на покупателей своими зелеными глазами.

Мы с Томом так часто встречались в книжной лавке, что в конце концов у нас завязался разговор.

Шли мы к этому постепенно, и можно сказать, что сблизились мы на почве книг. Если бы не книги, я бы никогда не осмелилась с ним заговорить. Да и вообще с кем-либо. В то время я была в ужасном состоянии, и книги были моим единственным спасением.

Однажды Том с неловким видом спросил, не против ли я сходить с ним выпить. И к собственному удивлению, я согласилась. Уверена, что я тогда покраснела. Опять. Но Том и сам был пурпурного цвета, так что я несильно смутилась.

Мы уселись на террасе бара с прекрасным видом на бумажную фабрику и ее желтые выбросы и обсудили все книги, которые любили.

Потом он рассказал мне, как однажды его отец ушел из дома не попрощавшись. Он не слишком охотно говорил на эту тему. Я отнеслась с пониманием. Ведь я сама старалась не заглядывать в бездну прошлого. Я сказала Тому, что живу с папой и младшим братом.

– А мама где?

– Погибла, – тихо проговорила я. – Авария.

Том покачал головой, не спрашивая меня о шрамах. Так хорошо я себя давно не чувствовала. На самом деле я была даже счастлива, и это стало для меня открытием.

Когда мы прощались, Том сказал мне:

– Классная у тебя накидка. Такая готическая.

Из его уст это звучало как комплимент. Я набросила на голову капюшон.

– Настоящая Черная Шапочка! [2 - Во французской версии «Красной Шапочки» главная героиня носит накидку с капюшоном.]

На следующий день вся школа знала, что Том пил пиво, я – лимонад и что все, что он говорил, было смешно. И я почувствовала себя частью отвратительной жижи, которая варилась в городском котле.

Мы с Томом обычно встречались в среду после обеда и иногда в субботу. У меня не было мобильного, поэтому мы придумали игру, чтобы связываться друг с другом. Мы вкладывали записки между страниц «Ловца на хлебном поле», который стоял на полке в лавке месье Бланше. Старик, наверное, подумал, что это какая-то книжная новинка, и заказал еще один экземпляр. Его никто не покупал, но уголки всех страниц были помяты. Это была наша книга. Игра нас ужасно захватывала. Нужно было взять книгу с полки как ни в чем не бывало, открыть ее, пролистать страницы. Всякий раз, когда я открывала книгу, мое сердце подскакивало в надежде найти внутри записку от Тома.

Свободен четверг 15:00. Если ты тоже, встр в парке. Т.

Не забудь. С тебя лимонад и книга. Л.

Стажировка на 10 дней в какой-то дыре. Не хочу. Брр! Т.

Прочитала «Песни Мальдорора», странная книга. Принесу ее тебе, когда вернешься со стажировки. В парке в 15:00? Л.

В день, когда произошла эта история в бассейне, мы с Томом встретились в парке, и он показал мне свой новый мопед.

– Модель 82, – с гордостью объявил он. – Отец должен был починить его для меня, но у него никогда не ладилось с механизмами. А ведь это не так уж и сложно. Так что я все сделал сам. Крутой мопед, правда?

Я рассмеялась. Том прекрасно знал, что меня это не интересует. Я устроилась у него за спиной, и мы поехали в сторону озера.

Мы проехали через промышленный район. Полуголые стройные женщины с рекламных плакатов расхваливали йогурты, шины, потребительские кредиты. Я задумалась, есть ли в мире хоть одна девушка, которая хотела бы вот так прижиматься к автомобильной шине. Разве этого можно желать? Что за бред!

Город остался далеко позади. Ветерок, дующий в лицо, свежие осенние запахи, голубое небо, Том совсем близко от меня, я закрывала глаза от удовольствия. И, скажу честно, больше не вспоминала про Алексею. Все вылетело у меня из головы. словно ночной кошмар, который я, проснувшись, забыла. Физрук успокоил класс с огромным трудом. Он кричал так громко, словно перед ним была стая бешеных собак, которых он пытался напугать, прежде чем они на него набросятся. Грубым голосом, в котором не слышно было ни ноты надежды. Он отправил всех по раздевалкам и завернул Алексею в ее огромное красное полотенце. Он держал его кончиками пальцев, а на его лице с растрепанными усами было написано отвращение. Я в последний раз взглянула на Алексею. Она рыдала, все так же опустив глаза, и была похожа на маленькую поранившуюся девочку. У меня сжалось сердце. По ту сторону перегородки парни выкрикивали: «Волосатая Алексия! Волосатая Алексия!» Я чувствовала себя отвратительно. Я ничего не сделала, чтобы ее защитить, а ведь это из-за меня она показалась всем. Но теперь, когда я сидела на мопеде, прижавшись к Тому, и наслаждалась ветром и солнцем, эти мысли улетучивались.

Иногда нужно так мало, чтобы забыть об уродливости мира: несколько слов, улыбка, аромат осени, кусочек неба. И удачный макияж.

Том свернул с дороги, и теперь мопед вез нас по грунтовке, окруженной деревьями. Через несколько минут мы подъехали к озеру. К нашему озеру.

Том показал мне это место несколько недель назад. Большое круглое озеро с черной водой, окруженное рощами орешника и высокими буками. На берегу – густые заросли папоротника, подпаленного летним солнцем. Старая трухлявая лачуга, поросшая жимолостью. Это был охотничий домик отца Тома. Внутри еще оставались старая дровяная печь, скамейка, стол, продавленный соломенный тюфяк. На стенах олени рога соседствовали с поблекшими плакатами, на которых были изображены голые женщины. Отец Тома проводил там каждое воскресенье с друзьями, пока не ушел из дома. «Они чаще пили, чем охотились», – рассказывал мне Том.

Сюда больше никто не приходил. Тихое место, которое идеально подходило для наших планов.

Мы расстелили покрывало на земле перед домиком и улеглись на него. В воздухе витал сладковатый аромат жимолости вперемешку с прелым запахом кустарников и грибов.

Я стянула с себя черную накидку и, свернув ее, положила под голову вместо подушки.

– Хорошо устроилась? – спросил меня Том.

– Прекрасно, – ответила я.

– Начинаем?

– Да.

– Ты готова?

– Готова!

Том вытащил из сумки книгу, я последовала его примеру, и до самого вечера мы почти не разговаривали.

Вы ожидали чего-то другого, не так ли?

Каждую среду мы приезжали туда, чтобы читать. Просто читать. Это было ужасно похоже на сюжеты романов, которые обожал Том. Озеро, покрывало, пикник, литература. Что-то милое, нежное и невинное. А я, должна признаться, была бы не против, если бы кто-то из нас отложил книгу в сторону и бросился целовать другого.

Ну, потом я, наверное, не была бы в восторге, не знаю.

С чего вдруг Тому могло прийти в голову до меня дотронуться? И хотела бы я в самом деле, чтобы он прикасался к этому телу, которое я ненавидела? Нам вполне хватало взглядов, случайных прикосновений, улыбок, тяжелого запаха травы. От всего этого воздух был словно наэлектризован. Но не так сильно, чтобы в небе сверкали молнии.

Знаю, Сара и другие девушки из школы думали, что я сплю с Томом. Сама мысль о том, что мы проводим время вдвоем, просто читая, показалась бы им странной. Непостижимой. А может, все это и впрямь было странно. Может, мы с Томом были фриками.

– Эй, послушай-ка, – всякий раз говорил мне Том, прерывая чтение.

И я слушала, как он зачитывает мне фразу, которая его взволновала или показалась забавной. Улыбалась ему, сидя в тени деревьев, на которых распевали птицы. Когда Том шепотом читал слова любви, написанные кем-то другим, у меня внутри все переворачивалось, хоть я и не подавала виду.

Сама же не решалась ему читать. Довольствовалась тем, что загибала уголки страниц, на которых мне понравился отрывок. И говорила себе, что однажды прочту их Тому. Теперь я на себя злюсь за то, что не сделала этого. Есть много вещей, поделиться которыми у нас не хватает смелости. Мы думаем, что у нас есть время. Что у нас вся жизнь впереди. Это как увидеть в небе падающую звезду и решить, что загадаешь желание завтра или на следующей неделе. Но на самом деле все эти моменты никогда не повторяются. Звезды пролетают и гаснут. Нет никакого смысла в том, чтобы загадывать желание, стоя под пустым небом.

Так мы провели время после обеда. Сделали перерыв, чтобы выпить пива, лимонада и разделить пакет печенья. А потом мобильник Тома заставил нас оторваться от чтения. Я поджала губы, потому что у нас было правило. Никаких телефонов. Для меня это было не так уж и сложно: после аварии я перестала пользоваться мобильными. Но в тот день Том забыл выключить звук на своем телефоне. Его детское лицо расплылось в виноватой улыбке. Я закатила глаза и снова уткнулась в книгу.

Я услышала, как Том присвистнул.

- Что это? - воскликнул он.

Вздыхнув, я положила книгу на покрывало.

- Ты о чем?

- Не знаю. Тут что-то странное.

Он протянул мне телефон.

Под смайликами я увидела фотографию.

- Фотошоп, наверное, - сказал Том.

На фотографии была полуголая девушка, покрытая шерстью.

Как будто животное.

Дикий зверь.

Монстр.

Это была Алексия, загнанная в угол раздевалки.

* * *

Я не рассказала Тому, что произошло в бассейне.

Мне этого не хотелось.

Фотографией Алексии в соцсетях уже поделились несколько сотен человек. Когда я пролистывала комментарии, к горлу подступала тошнота. Нет нужды пересказывать, что писали под той фоткой, правда? Вы прекрасно знаете, что могут себе позволить люди, вооруженные клавиатурами под защитой анонимности. Большинство комментариев было написано учениками средней школы. Девушки не отставали от парней, и это, наверное, огорчало меня больше всего.

Потом было много споров по поводу того, кто сделал тот снимок. Я ни капли не сомневалась, что это дело рук физрука. Он выгнал нас из раздевалки и попросил подождать у входа в бассейн. Алексия осталась с ним один на один. Чуть позже мы увидели, что приехал отец Алексии. Его лицо ничего не выражало. Когда он вышел из машины, один из наших одноклассников принялся кричать, словно обезьяна. Другой стал смешно мяукать. Все покатались со смеху, но отец Алексии даже не посмотрел в нашу сторону. Он вошел в здание бассейна, откуда через пять минут вышел учитель физкультуры, который сказал только: «Попрошу без комментариев», и, увидев его холодный взгляд, никто не посмел произнести ни звука. Только он мог сделать ту фотографию, я была в этом уверена.

Том высадил меня у парка и спросил, все ли в порядке. Нет, все было очень плохо. Я места себе не находила из-за этой фотографии. Когда мы были на берегу озера, Том пошутил:

– Так круто сделано, да? Ой, это как в том фильме, ну, где девушка превратилась в монстра, как он там называется?

Я вскочила и укуталась в накидку.

– Ладно, Том. Мне тут надоело, отвези меня обратно.

Он вытаращил глаза.

– Но...

– Я хочу, чтобы ты отвез меня в город. Сейчас же!

Бедняга ничего не понял, мы сели на мопед, и, как только мы оказались в парке, я пошла прочь не оглядываясь.

Я понятия не имела, что случилось с Алексией. Тогда еще никто не знал. То, что я видела у бассейна, и эта фотография – все мне казалось отвратительным. Невообразимо. Том пошутил, решив, что это фотомонтаж. Но я-то знала – все было по-настоящему. Я это видела. Я видела Алексию и шерсть, растущую на ее теле. Звериную шерсть. И я думала, что это, должно быть, какая-то болезнь. Я убеждала себя, что это не могло быть ничем, кроме болезни. Мне было от этого ужасно противно. Как и всем остальным. Но у меня больше не было сил смеяться. Теперь, когда фотография попала в Сеть, все могли увидеть, что происходит с Алексией. Все могли оставлять комментарии, оскорблять ее, насмехаться над ней. Мне было ужасно жаль, что я смеялась над ней тем утром.

В таком состоянии я вернулась домой. Мы жили в маленьком доме в центре города.

Я едва успела поставить сумку на пол в прихожей, как на меня налетел Сати:

– Луижа! Моя любимая Луижа!

Я обняла своего четырехлетнего брата и взъерошила его каштановые волосы. У него были щербинка между зубами и измазанные шоколадом щеки. Я любила его больше всего на свете.

Папа возился на кухне, склонялся над дымящейся кастрюлей. В мамином розово-белом фартуке, он держал в руке деревянную ложку, когда я туда вошла. Он обернулся и улыбнулся мне:

– Как дела, Луиза?

Я попыталась улыбнуться в ответ, получилось не очень.

– Все хорошо.

Папа сделал пару шагов ко мне. Он немного развел руки в стороны, будто хотел меня обнять, но я не двинулась с места. Капля томатного соуса потекла сначала по ложке, которую папа держал в руках, потом по его запястью и, наконец, расплзлась по фартуку. Как капля крови. Папа со вздохом опустил руки.

– У тебя что-то болит? – спросил он.

Я покачала головой:

– Нет, все нормально.

Мы молча стояли друг напротив друга. В тишине раздавалось только щебетание Сати, который носился между нами. Как будто пытался провести линию, которая соединила бы меня с папой. В конце концов я наклонилась и взяла брата на руки. Громко чмокнула его в губы и поставила обратно на пол.

– Прими ванну, если хочешь, – сказал мне папа, – ужин скоро будет готов, я тебя позову.

Опираясь на перила, я поднялась в свою комнату и бросила вещи на кровать. Войдя в ванную, я не стала включать свет. Я повернула кран и стала ждать, пока ванна наполнится. Я разделась в темноте, не глядя в треснутое зеркало, чтобы не видеть тысячи кусочков моего отражения, и погрузилась в горячую воду.

Мне было хорошо. Я понемногу расслаблялась. Я пыталась избавиться ото всех мыслей. Забыть о фотографии и комментариях. Думать о чем-то приятном.

Я провела пальцами по телу.

По телу, которое я больше не узнавала.

Мои пальцы задержались на шрамах.

На этих странных валиках из плоти, которыми была исполосована моя кожа.

Шрамы уже почти не причиняли мне беспокойства, но для меня они были бортовым журналом боли. Несмотря на обещания хирурга, я знала, что эти отметины останутся со мной навсегда. Они увековечены на моей коже. Линии, которые невозможно стереть. Невозможно смыть.

Я заставила пальцы двигаться дальше.

Думала о Томе. О его полноватых губах. О его улыбке. Он никогда у меня ничего не спрашивал. Конечно, он знал, что со мной произошло. Все в городе это знали. В школе и на улице я до сих пор ловила на себе жалостные взгляды, но чаще всего на меня не смотрели вовсе или смотрели украдкой. По крайней мере, смотрели не как на девушку. Как на неполноценную девушку. Но сейчас, трогая свое тело, проводя рукой между бедрами, я понимала, что они неправы. У меня неидеальное тело, и все-таки я девушка. Я прекрасно помню, как все было раньше. До аварии. Когда мы с Сарой в легких платьях вышагивали по главной улице. Взгляды парней. Подмигивания. Грязные шуточки. Беглые взгляды мужчин, которые нам в отцы годились, убийственные взгляды других девушек, поджатые губы и усталые глаза примерных матерей, которые тащили на себе орущих детей и сумки с покупками.

Мы с Сарой могли вечера напролет ходить от парка до террасы кафе с видом на бумажную фабрику и обратно. За нами ходила Морган и фотографировала нас, когда мы становились в заученные позы. Высоко поднять голову, лукаво улыбнуться, взяться за руки – так мы превращались в богинь. Морган выкладывала все эти фотографии в социальные сети, и мы победно смеялись, читая комментарии. Сара – брюнетка с формами. Луиза – хрупкая блондинка. Кто же выиграет сегодня? Кто соберет больше комплиментов? Морган тоном спортивного комментатора докладывала нам обстановку. Сидя на террасе кафе, мы пытались сделать так, чтобы нас угостили лимонадом и сигаретами или наговорили нам комплиментов. Иногда приходилось целовать парней, но чаще всего им было достаточно нашего взгляда. На мгновение почувствовать, что они для нас не пустое место, – большего парням и не надо. Когда мы с Сарой и Морган катались на качелях в разлетающихся юбках, парни гурьбой толпились у ограды парка.

– Эй, видел, Луиза на меня посмотрела!

– Ух, я бы отшлепал Сару.

– Да ты что, Луиза намного круче.

– Готов поспорить, она на меня смотрит.

– Бред какой-то. Нужен ты ей сто лет.

– Сейчас получишь, придурок!

Такие разговоры обычно заканчивались ожесточенной и бессмысленной дракой на пыльных дорожках парка. А мы смеялись над парнями. Сидя на качелях, мы почти доставали до неба голыми ногами.

Но все это было так далеко от меня. Случилась авария. Мамина смерть. Операции. Месяцы реабилитации. Встречи с психологом. Мешковатая одежда. Одиночество. Знакомство с миром книг. Я больше не была одной из богинь с главной улицы. Я превратилась в странную девушку в черной накидке, которая бродит между пыльными полками месье Бланше и встречается с таким же странноватым толстяком, читающим любовные романы. Покореженная подруга Сары, красавицы Сары, принцессы Сары, настоящей женщины Сары. В школе мы с ней иногда перекидывались шутками, но больше не общались. Фатия стала ее лучшей подругой вместо меня. Морган делала вид, что меня не существует. У меня больше не было телефона. Я больше ничего не выкладывала в социальные сети. Не была частью компании. Обходила стороной главную улицу и ужасно скучала по Саре.

Поначалу из-за аварии бульон из сплетен стал более наваристым, но вскоре все пресытились. На смену моему горю пришли новые драмы. Так устроены люди. Они ужасно жадные до трагедий. До трагедий, которые происходят не с ними, разумеется.

Когда я встретила Тома на барахолке, он смотрел мне прямо в глаза. Он не отводил взгляд, в котором не было ни излишнего любопытства, ни проблеска жалости. Я не была для него сломанной куклой. Я была Луизой. Девушкой со шрамами, которой трудно ходить и у которой все тело держится на стержнях, но прежде всего я была человеком. Человеком, который разделяет его любовь к книгам. И он принял меня такой, как я есть.

Том был совсем не глупым парнем. Он знал, что еще несколько месяцев назад я бы на него даже не посмотрела. Он был из тех парней, над которыми мы с Сарой иногда подшучивали, если встречали их на улице.

Теперь, когда я прокручиваю это в голове, я понимаю: то были не шутки, а издевки.

Мы выбирали себе жертву, одна из нас подходила к бедному парню и шептала ему:

- Ты в курсе, что нравишься вон той моей подруге?

Вторая вдалеке строила из себя скромницу, неловко одергивая подол платья. Парень краснел до кончиков волос и начинал потеть.

- Она тебе не нравится, да?

Он кивал, мотал головой, что-то бессвязно бормотал. Та из нас, что изображала скромницу, стягивала с плеча бретельку платья. Или взмахивала волосами. После этого парень не знал, что сказать, и забывал, кто он такой.

«Сваха» ставила руки на пояс.

- Ну так что? Она тебе нравится или как?

Когда парень в конце концов выговаривал «да», начиналась самая настоящая пытка.

- Знаешь, ты ей тоже нравишься... но только в твоих мечтах!

Затем мы переходили к отрубанию конечностей. И это продолжалось до тех пор, пока было что отрубить.

- Мечтай о ней, Голлум!

- Какой же ты урод!

- Луиза, видела, как он вырядился?
- Прошлый век. Это шмотки твоего деда?
- Ты такой жирный, лучше не сиди на солнце, а то растаешь.
- Эй, Луиза, а что это за волоски у него на подбородке?
- О! О нет... Сара, только не говори мне, что это...
- Что, Луиза? Ты о чем?
- Мне кажется... мне кажется, это не подбородок! Это ершик для унитаза!
- Пф-ф-ф-ф-ф!
- А может, это и не парень вовсе?!
- Ты парень?
- Вот видишь, молчит. Никакой это не парень!
- А ну отвали от нас!
- Не подходи, сказали же тебе!
- Пошел отсюда, а то мы всем расскажем, что ты нас изнасиловал!
- Извращенец!
- Помогите! Насилуют!

И мы уходили, угорая как бешеные. Бедный парень оставался стоять на месте, словно растение, которое забыли полить: его руки безжизненно повисали, на лице появлялось скорбное выражение, его сердце было разбито.

Да, жестоко. Но парни видели в нас только красивые объекты. Поэтому мы использовали свою красоту в качестве оружия. Словно блестящую острую шпильку для волос. Которую выковали, чтобы ранить в самое сердце. Чтобы атаковать и защищаться.

Вот какой я была. Девчонкой, которая изображала роковую женщину. Алисой в гриме безжалостной Червонной Королевы. Женской версией Нарцисса, которого взволновало собственное отражение. Девочкой-подростком, которая, как мне кажется, была ничем не лучше и не хуже других.

Том знал об этом, но, кажется, не слишком переживал. Раньше я бы никогда не заинтересовалась таким парнем, как он. Я не стала бы копать глубже. Обратила бы внимание только на его жирноватые волосы, полноту, застенчивость и странности. Благодаря Тому я поняла, что в людях есть намного больше, чем внешность. У каждого внутри есть целый мир. Внутренний мир Тома был странным, причудливым, но вместе с тем невероятно творческим и чувствительным. Кто-то мог бы сказать, что Том был наделен почти женскими качествами. По крайней мере, слишком женскими, чтобы найти себе место в нашем маленьком городе. Но Том никого не осуждал. Когда он смотрел на меня, я чувствовала, что остаюсь самой собой. С моей историей, болью и шрамами. Ему, наверное, не хотелось ко мне прикасаться, да и я не была уверена, что хочу этого. Я не знала, был ли он моим спасательным кругом, моим другом или чем-то большим.

Папин голос резко оборвал мои мечтания и ласки:

– Луиза, все готово!

И, словно эхо, раздался тоненький голос Сати:

– Луижа, готово!

Я надела папин халат и спустилась.

Папа, улыбаясь, сидел за накрытым столом.

– Лучше?

Пола моего халата распахнулась. Папа, смутившись, отвернулся и почесал только проступающую лысину.

Он не знал, как себя вести при виде моего юного тела. Еще большие проблемы у него вызывали шрамы, которыми это тело было усеяно. Это было слишком трудно для него.

Я подошла поближе и поцеловала его в щеку:

- Все в порядке, пап. Не волнуйся.

Мы ужинали под классическую музыку и лепет Сати, который радостно размазывал пюре по лицу.

Мы уже почти доели, когда зазвонил телефон.

Сати заорал:

- Летефон!

Я решила, что это, наверное, Патрисия, папина коллега, с которой он с переменным успехом пытался закрутить роман.

Отец встал и снял трубку телефона, висевшего на стене.

Папа обожал всякое старье. Проигрыватели, проводные телефоны, металлические, наполовину ржавые картофелемялки – вот его страсть. Микроволновки, мобильники и MP3-плееры ужасно его раздражали. Он мог часами говорить о вредном излучении, о детях, ползающих в колтановых шахтах, о горах мусора, которыми покрыта планета, и об ужасах капитализма. Конечно, у него был мобильный телефон, но использовал он его только для рабочих звонков. Он работал начальником охраны на бумажной фабрике и всегда должен был быть на связи: рабочие разобрали уже почти все станки, которые скоро должны были отправить куда-то в Восточную Европу.

- Луиза, тебя к телефону.

Я взяла трубку; это было странно, ведь мне никто никогда не звонил. У Тома моего номера не было, да и он все равно не решился бы звонить на домашний.

Я потянула провод, чтобы отойти чуть дальше.

В трубке я услышала голос Сары.

Она говорила невнятно.

– Луиза, я знаю, что давно тебе не звонила. Но... это ужасно... Алексия. Алексия, она...

Я сразу же все поняла.

Алексия покончила с собой.

* * *

Вам, наверное, интересно, зачем я обо всем этом рассказываю. О моих отношениях с Томом, о главной улице, о папиной любви к старым вещам, обо всем, что сегодня кажется незначительным. Да, может, все это не так уж и важно, но мне кажется, что именно из таких мелочей и состоит человек. Из крошечных кусочков счастья и страдания. Человек – это нечто большее, чем красота и шрамы.

И кто бы что ни говорил, я – человек.

Я понимаю, что моя история путаная. Вы, наверное, ждали, что я расскажу вам о том моменте, когда на всех экранах красовалось мое лицо. Но чтобы понять, почему я так поступила, нужно знать, какой я была до этого. Как я уже сказала, из популярной девушки я превратилась в гадкого утенка, я постоянно грустила, была в плену у собственного тела и воспоминаний, не могла нормально общаться с отцом, не могла полюбить Тома. Я просто-напросто не могла жить.

* * *

Вся школа была в шоке.

Вернее, кого-то самоубийство Алексии по-настоящему огорчило, а все остальные только и занимались тем, что пережевывали историю с фотографией, которая вновь и вновь мелькала на экранах телефонов. Алексия была несовершеннолетней, поэтому местные газеты не стали освещать это происшествие. Но в школе все знали про шерсть на теле Алексии, и по коридорам распространялось что-то вроде истерии. Никто не понимал, что происходит. Говорили о проклятии, о черной магии, о том, что Алексия – оборотень, о токсичных выбросах фабрики. Поговаривали, что отец Алексии заключил сделку с дьяволом, принес свою дочь в жертву и что ее шерсть – Божья кара. Рассказывали, что незадолго до всей этой истории старый Бурден сжигал за бассейном какие-то странные вещи, от которых пахло ладаном и химикатами. И конечно же, говорили, что покойница из раздевалки наконец нашла себе невесту, что Алексия всегда была лесбиянкой и тщательно это скрывала. Говорили всякую ерунду. Все это заставило меня вспомнить мифы, которые я читала в детстве. В моем воображении со скоростью поезда, летящего под откос, возникали все новые образы. Девушки могли расплакаться, стоя посреди школьного двора; парни держались надменно и нарочито громко смеялись, но некоторые из них стали носить на шее крестики. Что до учителей, они качали головами, ведь теперь они, как никогда, ощущали свою беспомощность.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

Один из вариантов перевода названия романа Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Здесь и далее примечания переводчика.

2

Во французской версии «Красной Шапочки» главная героиня носит накидку с капюшоном.

Купить: https://telnovel.me/ru/servan_stefan/protiv-shersti

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)